

Серия «Век исполинов»

Ирина Лазарева

ЗОЛОТЫЕ ЖИЛЫ

Роман

Ростов-на-Дону

«Феникс»

2024

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2=411.2)6-442
КТК 630
Л17

Лазарева, Ирина.

Л17 Золотые жилы : роман / Ирина Лазарева. — Ростов н/Д : Феникс, 2024. — 477 с. — (Век исполинов).

ISBN 978-5-222-41110-0

В основу романа легли события, происходившие в 1930-е годы на Урале и в Беларуси. Когда Советскому Союзу запретили импорт техники в обмен на золото, зерно стало новой валютой, и самоотверженный «золотой» труд колхозников, вытягивающий из них все жилы, оплатил индустриализацию державы.

Произведение богато событиями и характерами.

Коллективизация, раскулачивание, механизация колхозов, индустриализация, поднятие золотодобычи на Урале, вредительство и репрессии — водоворот событий закручивает судьбы героев так, что им волей-неволей приходится задуматься о значении великих перемен для страны. Пять семей, неодинаково относящихся к советской власти, по-новому переживают свою любовь к родной земле, к которой приросли корнями намного крепче, чем полагали.

Вспыхнувший в одной из деревень Урала казацкий бунт влечет суровые последствия для главных героев и вызывает множество вопросов: откуда появились подстрекатели бунта и с какой целью? как им удалось уйти от наказания и исчезнуть из записей в материалах следствия? Главные герои, Агафья Ермолина и Семен Новиков, встают перед тяжелым выбором: искренняя и всепоглощающая любовь или долг. Что выберут они и можно ли обратить решение вспять?..

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2=411.2)6-442

Некоторые имена, события и названия были придуманы автором для достижения художественного эффекта. Любые совпадения с реально живущими или жившими людьми и фактами из их жизни являются случайными.

ISBN 978-5-222-41110-0

© Лазарева И., текст, 2024
© ООО «Феникс», оформление, 2024
© В оформлении обложки использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com, 2024

*..Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.*

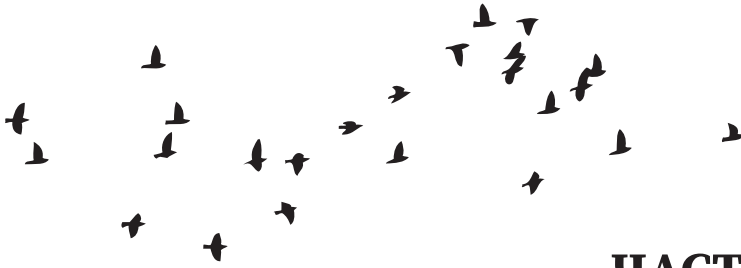
*Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.*

*Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальною
Видеть бедную, нищую Русь.*

*И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.*

Сергей Есенин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

1929 год

Есть особенное, пронизывающее колдовство в безбрежности степи: куда ни кинешь взор, чиста и бесконечна нить горизонта, а парящая лента небосвода, окаймленная пеной тяжелых туч или воздушных облаков, всегда прозрачна, как лазурное или перламутровое стекло, — вечное напоминание об истинной природе вещей, безмерной ее неразгаданности.

Нет такого знания, которое было бы конечным, нет такой истории, живо представляя которую, будешь до конца уверен в точности ее воспроизведения. И будет вечно томить вопрос: а если все было совсем иначе, даже, осмелюсь сказать, ровным счетом наоборот, совсем не так, как в искаженных словах людей, словно отразивших ход событий в самом кривом и уродливом зеркале? Если смыть тени обмана с лица истории и взглянуть ей прямо в глаза, то можно увидеть невообразимо новый мир, новую жизнь, протекавшую когда-то на нашей родной земле.

...Не бывавши в степях, не прочувствуешь, что уральские поля подобны морю: они довлеют над тобой, нет края им и нет им счета. Закроешь глаза, закроешься в избе, но знание об их присутствии и господстве надо всем, что создал человек, всегда с тобой, они как луна, как солнце — протяни руку и схватишь, но не ухватишься. Когда не волнуется рожь или пшеница, когда земля в оковах снега, как сегодня, то лишь вой ветров, хозяев степи, бередит слух.

Сколько мощи заключалось в этой первозданной безбрежности, сколько дремлющей силы, и сколь мал и скоротечен казался человек,

если ему не хватало даже взора, чтобы объять это удалое непобедимое раздолье — родной край — и задержаться в нем хотя бы на миг человеческой жизни.

Студеный мартовский ветер задувал в хрустящие на морозе юбки, но Тамара была без памяти и не чувствовала ледяных ожогов, обдаввших нежную кожу бедер, чувствовала только неясную смуту, которой обдувало лицо, румяные, дышащие жизнью щеки, упрямые скулы, сжатые полные губы, и сквозь туго обтянувшую стан овчинную шубу — налитую, высокую грудь, где было спрятано ее сердце, отступившее бешеную, полоумную дробь.

На коротких, но крепких ногах она, подняв юбки, как козочка быстро вбежала на раскидистый холм, где стояла деревянная школа, только дважды замешкавшись, чуть поскользнувшись на рваной ледяной корке, схватившей землю, корке, сквозь которую изредка бесильно взвивалась мертвая желтая трава и черные обугленные сучья. Тугая русая коса, летевшая из-под платка, от бега бойко хлестала ее по спине, но Тамара не замечала ударов.

Лишь взобравшись на холм, она на миг остановилась, раздумывая, не совершает ли ошибку, не навлечет ли на мужа беду, не нужно ли, пока не поздно, воротиться в дом, схорониться там с детьми и ждать его возвращения.

Ворох мыслей словно заморозил ее на мгновение, и тут-то взору ее предстала бескрайняя степная даль, рваные полузаснеженные поля, зиявшие черными талыми дырами, и где-то на самом конце бесконечности, под небосводом, торчали темные пятна бора. Изгибы обледенелой реки обвивали длинные улицы и пронзали обширную станицу, словно аорта.

У самой широкой части реки когда-то приняли решение казаки разбить свое село, по обе ее стороны, а теперь оно обросло, разбогатело так, что и суровые годы мировой войны, а затем гражданской войны и последовавшего в стране голода не поколебали уверенное положение Кизлякской станицы. Были здесь и маслобойки, и салотопни, и кузнечные и шорные мастерские, и даже свой медицинский пункт. Еще в дореволюционные годы говорили люди про их станицу: если нужен хлеб, езжай в Кизляк, не прогадаешь, там амбары ломаются от зерна. На всем Урале не сыскать такого богатого села, как их станица, где неподалеку есть и золотой прииск, и кирпичный завод, а что

грянет теперь? Что ждет их?.. Неужто все кончено? Миг промчался, словно вечность, горячая казацкая кровь взбурлила в жилах, ошпарив короткий и скорый на решения ум, и Тамара, отбросив сомнения, ринулась к школе.

Пригибаясь, она как можно осторожнее шагала по хрустящему снегу, заглядывала в окна, пока не завернула за угол здания, к стеклянной пропасти реки, где внезапно почти столкнулась с Марьей, ее ровесницей, чернобровой казачкой, такой же невысокой, только шире в плечах и бедрах. Они вмиг все поняли друг про друга и чуть хохотнули, прикрыв ладонями рты. Тамара заметила, как лихорадочно и зло горели и бегали глаза Марьи, в них, словно книге, читалось стремление ее непокорной души — не поддаться, одолеть, невзирая ни на что. Тамара знала про себя, что и ее глаза пылают точно таким же, как ей казалось, праведным, а стало быть, все побеждающим гневом.

Еще неделю назад дух весны, окропивший все вокруг: талый снег, мокрую землю, набухающие от паводка сухие прошлогодние травы и гниющие коряги, — разлился в воздухе, лаская сердце, предвещая наступление теплого лета, удающую работу и богатые осенние урожаи. С крыш стекали капли, образуя длинные сосульки, поутру они утолщались, когда ледники на крышах таяли, и капли замерзали, попадая на сосульки, а вечером, пригретые солнцем, они таяли и удлинялись, и повсюду капали чистые слезы. Глаз искал в небе грачей, ждал их прибытия.

Но сегодня мертвое дыхание зимы вновь пропитало тоскливую серость непробудной природы, наполняя умы тревогой и небывалым отчаянием. Легкие, колкие облака заволокли небо, не пропуская солнца свет. Лихо вновь прибыло в Кизляк.

И имя ему было — комиссия содействия заготовкам! Для этого из Челябинска приехал уполномоченный Челябинского обкома ВКП(б) Холодов — по-богатырски статный, высокий, широкий в плечах светловолосый молодой мужчина с восточным прищуром, среди девок вызвавший особенное волнение из-за своей мощной и притягательной внешности. Прибыл уполномоченный Троицкого окрисполкома Остапенко — низкорослый человек со смешным лицом, словно вдавленным вовнутрь, с маленькими сверлящими глазками и рыжими кудрявыми волосами, коротко остриженными, но все равно вьющимися. Приехал уполномоченный районной власти Пырьев —

светловолосый, худой, но жилистый и сильный, с тяжелыми кулаками работяги, с лицом, не наделенным ни красотой, ни примечательностью: черты его были кривыми, скулы — слишком узкими, глаза — близко посаженными, нижние веки — темными, как от тяжелой бессонницы, — словом, ни одна черточка не могла исправить дурноты этого еще молодого, но как будто болезненного лица, хотя, как это ни странно, на деле Пырьев обладал отменным здоровьем.

Если бы в классной комнате зажгли керосиновую лампу, Марья и Тамара смогли бы разглядеть, что происходило в школе, но дневной свет отражался от стекол, скрывая внутренности злосчастной комнаты. Женщины потоптались немного чуть поодаль от окна, не решившись подойти вплотную, а затем, так же пригнувшись, спрятались за углом здания.

— Ты пошто сегодня на сходе не была? — зашептала нахраписто Марья, и Тамара даже подумала, что та, быть может, сейчас раскритикуется на нее и выдаст их.

— У Филиппка живот болел, все плакал, не могла его бросить, — Тамара старалась говорить как можно бодрее, чтобы ни на миг не дать чувству вины пробраться в голос, — да и муж не велел.

— Муж! — фыркнула Марья, но все же сделала это тихо. Глаза ее яростно сверкнули под смоляными дугами бровей. — Их слушать, так с голоду помрем все! У тебя ведь Агафья есть, ей бы Филиппка оставила и приходила.

— Что порешили на сходе? — осторожно спросила Тамара, переводя тему.

— Каждую улку¹ распределили между всеми женщинами, каждый закуток. Мне школа досталась. Когда муж воротится, я с ним перемолвлюсь, а потом снова сюда. Ни одно зернышко не покинет сегодня Кизляк!

— Во даете! Да как это возможно?

— А то ишь! Не дадим обирать себя больше грабителям-мучителям, чтоб им пусто было. В прошлом году Лямкиных и Терентьевых разорили своими налогами, они лошадей и коров продали, чтобы штрафы заплатить за неуплату налогов. А теперь что же, всю станицу по миру пустить?

---

¹ Улицу (диал.).

— Вот именно! — вторила ей Тамара, быстро подхватывая возмущение Марьи, которое и в ней самой было столь велико, что тут же закипало, стоило только всколыхнуть эту тему. Лицо ее загорелось и стало пунцовым, отчего вдруг выделились на нем бесцветные брови, обычно сливавшиеся со всем лицом и безжалостно отбирившие ее красоту. Тамара чувствовала, как бешено колотились вены на лбу, в этот момент одурения ей чудилось, что она готова была тотчас схватиться за мужнюю винтовку, схороненную под половицами, и убить кого угодно и сколько угодно, но постоять за семью, за станицу. — Пошто такие большие налоги только для зажиточных? Пошто коли бедняк — так налог низкий, а с кого и не берут вовсе? И пошто мы вдруг кулаками стали, ежели просто богаты и батраков нанимали? Ну и что, что у нас бедняков в станице почти нет! Не наша вина, что мы честно работаем и умеем это делать!

— Трудодлюбивые нынче не нужны, — фыркнула Марья. — Им лишь бы ограбить, а дальше хоть потоп. Кто будет работать, если все с голоду перемрем? Кто будет хлеб заготовливать? Ух, удавила бы иродов!

Так говорили они, а сами пылали от сладкого предвкушения запретного и безобразного; им отчего-то казалось, что мужья их, которых вызывали одного за другим в школу для обсуждения хлебозаготовок, не стерпят низких и твердых государственных цен, непосильных объемов и тут же расправятся с комиссией, а затем бунт охватит всю станицу, а за ней и весь Урал, горящий праведным гневом. Ведь не первую неделю казаки собирались вместе в домах да все перешептывались и обсуждали, как им поступить, когда из Пласта и самого Челябинска нагрянут высокопоставленные гости. Слухи разлетались быстрее ветра, и о приезде комиссии знали давно. И хотя сам Павел отшучивался и отнекивался, не признавался жене, она почему-то внушила себе, что на деле казаки что-то затевают, и только вот в планы свои женщин не посвятили. Так же думала и Марья — для того она и караулила здесь, чтобы, случись бунт, со всех ног побежать и передать новость другим по цепочке.

Однако случилось совсем иное. Казаки выходили один за другим, хмурые, озадаченные, но смирные, с чуть сдвинутыми фуражками на головах, в руках держали листки. Когда вышел Тамарин муж, невысокий и в эту минуту по-старчески сгорбленный, он, не замечая ее, пошел к дому, она же ринулась вниз по холму, тяжело ударяя

валенками по замерзшей неровной грязи дороги. Павел оглянулся, и глаза его расширились: он был удивлен, но не обрадован.

— Тома, ты пошто здесь? — спросил он просто, все-таки не выказывая недовольства.

— Что за бумажка у тебя? — запыхавшись, спросила она и, не дожидаясь ответа, хотела было вырвать у него из рук лист, но Павел быстро спрятал его внутрь овчинной шубы и посмотрел на нее строго.

Он никогда не распускал руки ни дома, ни на улице, но и вольности в отношении себя жестко пресекал. Тамара закусила губу, поняв мгновенно, что в этот раз ее бойкость не вызовет в нем ни добродушного смеха, ни даже тени улыбки.

— Что ты? С ума, что ли, сошла? Дома все скажу. Не понимаешь¹ ничего?

Он хмурил широкие, чуть тронутые сединой брови; от напряжения и без того выраженные носогубные складки прорезывались сильнее на еще не старом, но обветренном и красноватом его лице с бородой. Тамара не могла не заметить, что нос мужа, широкий, чуть вздернутый, раздувался от кипевшего волнения, и она уже предвидела что-то скверное. У Павла было неправильное лицо, но не уродливое, а все-таки мужественное, сильное и приятное для взора. Тамара и сама не была красавицей: круглое лицо ее не было выразительным, его можно было назвать миловидным, но не изящным, не запоминающимся, не врезающимся в память.

Они молча шагали к дому, а по селу, по широким улкам и узким переулкам, как по быстротечным прожилкам, то и дело появлялись головы в белых и серых пуховых шалях и блестели кругом пылкие, недовольные глаза: женщины бегали и переговаривались, по дворам шло волнение, а стало быть, что-нибудь да грянет, не сегодня, так завтра. Но что именно грянет — ах, разве могла Тамара, разве мог Павел предугадать, разве могли все они предвидеть, какая круговерть обрушится на их станицу да на их жизнь!

А пока они шли домой с тяжелым, сдавленным сердцем, но все же не теряли ни огня внутри, ни силы, ни непоколебимой уверенности в том, что справятся со всем, что уготовит судьба. Сохранялась в них и легкость, и опасная беспечность, сотканная из опыта прошлых,

---

¹ Понимаешь (диал.).

недолгих безнаказанных лет межвременья и межвластья. А пока тяжелые свинцовые тучи незаметно подкрались к станице и заслонили купол неба, испустив туман сонного снегопада, обволакивающего станицу и убаюкивающего тревогу. Когда они подходили к большому дому-пятистенку, снег уже на два вершка устлал дорогу, и овальные следы от валенок отчетливо отпечатывались на чистом, воздушном, искрящемся перламутровыми кристаллами покрывале.

Павел и Тамара долго топали сапогами, стряхивая снег, прежде чем продвинуться дальше в сени. Дома было натоплено, и с порога казалось, что даже слишком горячо натоплено. Они сняли шубы, отряхнули их от снега, повесили на крючки и зашли в дом.

Первой была просторная комната с русской печью у внутренней стены-перегородки. В доме не жили старики, потому что родители Павла имели свой богатый двор, с ними еще жили их четверо холостых сыновей, старшие же сыновья Павел и Михаил построили собственные дома. Потому на русской печи спали по очереди, когда кто-то из семьи болел, лихорадил или когда Павел и Тамара ругались, и кто-то из них уходил из горницы на втором этаже, располагавшейся под крышей, на печь. По бокам, у стен, стояли широкие лавки, полатей не было вовсе: Нюра спала в горнице Агафьи. У Гаврилы была своя горница: простор дома позволял.

Здесь в комнате стоял буфет со стеклянными дверцами, а рядом висело длинное зеркало под наклоном, чтобы можно было увидеть себя во весь рост. Буфет и стол были убраны белыми расшитыми скатертями, на окнах висели такие же белые расшитые шторы и подшторы. На полочке-божничке для икон, расположенной в самом видном углу беленой комнаты, была также скатерка, и стояли на ней древние дорогие иконы. В одном углу был и столик со швейной машинкой — гордость Тамары, подарок Павла сразу после свадьбы, он привез ее из Златоуста. Там же стояла и прялка-веретено: по вечерам Тамара пряла шерсть, а Нюра и Агафья вязали теплые носки из овечьей и собачьей шерсти. Был у них и ткацкий станок, он стоял сейчас в сенях. На нем из старых тряпок по вечерам женщины ткали половики, которые были разной длины и устилали полы в доме у кроватей, у печи. Постели были заправлены узорчатыми покрывалами, а на них пирамидами высились перьевые подушки, одна меньше

другой, в белых наволочках, окаймленных, словно расписанных, ручной вышивкой и прикрытых белыми накрахмаленными кружевными накидками.

Нюра, темноволосая девочка восьми лет, выбежала встречать родителей. Большие отцовские глаза ее занимали пол-лица, отчего всякий, кто в первый раз видел Нюру, особенно долго смотрел на нее, словно вбирая в себя такую невероятную для ребенка красоту и по несколько минут проверяя себя, не привиделось ли ему, не заметит ли он какого-нибудь недостатка в чертах Нюры: вздернутый нос, кривой профиль, длинный ли изогнутый подбородок, который уравновесит ее облик, делает его более приземленным, более годным для простой казацкой жизни. Однако, не найдя изъяна, приходилось успокаиваться и признавать за девочкой право ошеломлять людей своей дивной внешностью.

Но если незнакомцы долго не могли отвести глаз от Нюры, то только потому, что еще не видали Агафьи. Ах, Агафья! Родительское сердце сжималось при одной мысли о старшей непокорной горделивой дочери, которая сейчас скрывалась в дальней части дома вместе с Филиппком. Оттуда не доносилось ни звука — бревенчатая стена, разделявшая большой просторный дом на две части, прекрасно скрывала шум.

— Что Агафья? — спросила мать.

— Филиппка уложила и сама прикемарил¹ с ним, — ответила Нюра.

— Накрывай на стол тогда одна, — кивнула ей Тамара и прошла к окну, где стоял задумчиво Павел. Он вертел в руках лист бумаги, полученный им от комиссии. Казалось, он не решался заговорить и немедля открыть правду. Томимая нестерпимым ожиданием, Тамара близко придвинулась к нему. Ее горячее дыхание пылало на шее мужа.

— Сколько?

Он молча вручил ей путевку для вывоза зерна на ссыпные пункты. Увидев цифры, Тамара ахнула. Кровь прилила к вискам; и без того слабо умея читать, теперь она путалась в буквах, которые плясали перед глазами. А потом внимание ее привлекла заковырка внизу документа.

— И ты подписал? — сказала она, не пытаясь скрыть ехидства.

— А что мне оставалось?

— Что-что? Не подписывать, сякой ты, эдакий! Разорву сейчас и в печку выкину!

---

¹ Заснула (диал.).

И она схватила лист так, словно уже готова была исполнить свою угрозу.

— Не смей! — рявкнул Павел на весь дом. — Это договор с государством! Сделка! Я уже продал зерно, оно не наше. Теперь обратного хода нет.

— Как это нет?

На его крик в комнату бесшумно вошла Агафья, сверкая большими мрачными глазами.

— Мама, папа, я не сплю. Филиппка только уложила и с ним была.

Но ее никто не слышал, никто не обернулся к ней, потому она стала тихо помогать Нюре.

— А так: нет! — вновь рявкнул раздосадованный Павел. — Если договор нарушить, они все изымут — дом, землю... на том не успокоятся, мы у них как бельмо на глазу, все припомнят: и Гражданскую войну, и белых офицеров, и расстрел первых Советов...

— Но ведь ты клялся, что не подпишешь ничего! Что же они тебя там, пытали? Насильно подписать заставили? Мучили? Били?

Павел тяжело посмотрел на нее: ее вопрос словно требовал от него лишь одного ответа, но такого ответа он ей дать не мог, ведь тогда пришлось бы солгать.

— Нет.

— Тогда что? Ты им о том поведал, что у нас из двенадцати лошадей шесть, а из десяти коров пять осталось? Ты это им сказал? Сказал, что у нас зерна только для себя, для семьи, осталось?

— А ты как думаешь, Тамара? Конечно сказал!

— А они что? Так и ответили, мол, чтоб семью голодом морил?

— А они в ответ: что ж это за дивное дело получается, по всем богатым селам, где еще нет колхозов, у всех крупных хозяйств какой-то невиданный помор скота произошел, особенно тяглогового? Не скажете ли, мол, Павел Авдеевич, в чем тут может быть дело? Да и вот из сорока десятин засеяли в том году шесть, пошто, мол?

— А ты им?

— Я так и так, мол, говорю, не могу знать, почему у других так вышло, только за себя могу отвечать, лошади и коровы заболели, померли. Мы с сыном вдвоем сорок десятин не смогли засеять. Батраков не нанмали. Вот и засеяли шесть десятин.

— А они что?

— А они, известно, что: если вам, мол, не по силам сорок десятин засеять честным трудом, то пошто в колхоз не вступаете, ведь там будет закуплена техника.

— Ах, изверги! Я ведь тебе говорила: сто раз подумай, прежде чем скот забивать и посев сокращать... А ты, мол, и свекор, и мой отец, и братьевья, и соседи — все так делают... Никто меня не слушал... Все к одному! — вскричала Тамара, сжимая до боли веки, ненависть к новой власти клокотала в груди. А затем вдруг родилась в ней неслыханная мысль, и она, ошарашенная ею, сказала не своим, а потусторонним, безжизненным голосом: — Неужто обещал... обещал и в колхоз вступить?

— Вот уж до чего ты дотумкалась!¹ — ответил Павел, зло блеснув на жену глазами: он был глубоко оскорблен ее дерзким предположением.

— Тогда как ты мог подписать эту путевку?

— Думаешь, я один такой? Там все подписывали.

— Но вы же клялись, что не подпишете, что зерно продержите до осени, до высоких цен! А теперь что же, казаки себе не хозяева, не могут выбирать, когда и сколько продавать? А если лето будет неурожайным, как до следующего лета протянем?

— Не томи меня, Тома, неужто я этого всего не знаю!

— Как ты мог! Как ты мог?!

Тамара принялась вздыхать и охать, много говорить неприятного, неласкового для слуха в сторону советской власти и самих казаков, все время принижая их мужскую честь, их волю, силу духа, совесть. Павел только тербил чуть подернутую пеплом бороду и все глядел в окно, словно решая что-то важное про себя под неустанный гомон жены.

Вдруг неожиданно ледяной голос Агафьи прервал стоны матери:

— Если каждый дом откажет городу в зерне, все попрятав в загашниках, то что будут есть рабочие?

У Агафьи был дикий нрав: чем больше она сердилась, тем больше готова была распять себя и отречься от всех благ и преимуществ своего положения, одним словом, чем больше она неистовствовала, тем больше доброты источала — нрав ее был чужд Ермолиным и вызывал в них одновременно и недоумение, и раздражение. Это была

---

¹ Додумалась (диал.).

не первая дерзость, которую они слышали от своевольной девицы, но Тамара будто только этого и ждала, одной этой вольной фразы, чтобы накинуться на дочь и спустить на нее всю свою злость, всю свою досаду и бессилие перед новой властью.

— Ах ты дерзкая девчонка! Выучили тебя на свою голову! Больно образованная стала! Тебе что? Что рабочие? Ты о родителях, о братьях-сестрах подумала бы!

— Причем здесь школа? — не сдавалась Агафья.

— Якшаешься с самыми подлыми людьми в деревне! К тебе столько женихов сваталось, столько удалых казаков из самых богатых семей, ты всем от ворот поворот, я, мол, еще мать свою помучить хочу, извести ее со свету, поживу, мол, с ней, отниму у нее здоровье, кровушку повыпиваю! До чего настырная!

— Уймись, Тамара, — проговорил Павел строго, все глядя в окно на снежный туман, разлитый в сером воздухе.

— Что «уймись»? Как будто ты сам не так думаешь! Как будто сам рад ее знакомствам! Кто ее друзья? Кто ее товарищи? Якшается с городскими, с вертопрахами¹, с Семеном этим! Было бы на что взглянуть, так нет, урод уродом. И все туда же: в большевики метит! Вырастили на свою голову девку!

— Этому не бывать, покуда я жив, — пробормотал Павел, почесывая бороду. Он метнул в сторону дочери резкий, пронзительный взгляд. Немногословный, особенно с детьми, он всегда говорил по делу. — Своими руками придушу.

Мать кипятилась и кричала в ухо мужу, пытаясь вызвать его гнев, но он более не произнес ни слова. Молчала и Агафья: она стояла у дальней стеночки, далеко от окна, в тени, сумрачно поглядывая на родителей и скрестив руки на зрелой, совсем не девичьей груди, вздымавшейся над неестественно тонкой талией, которую так подчеркивала чуть приталенная рубаха, заправленная в юбку. Когда девушка пребывала в мрачном настроении, голубые миндалевидные глаза под темно-русскими бровями заполняли безупречно выверенное лицо с прямым носом, обрамленное русыми волосами. Тогда казалось, таилось в глазах ее что-то колдовское, сказочно прекрасное. Особенно это странно было всем в станице, что у двух таких скромных до внешности людей

---

¹ Человек легкомысленного поведения (разг.).

родились две дочери восхитительной, возвышенной, совершенной красоты. Они с Ньюрой уже накрыли на стол, и девочка, накинув тулуп, побежала на задний двор звать старшего брата Гаврилу, который всю первую половину дня колот дрова.

Тамара продолжала кричать, браниться, причитать, но Агафья не внимала ее ругательствам и оскорблениям. От природы гордая и сильная, она была удивительно стойкой до чужих волнений и могла легко отрешиться от всего. Лишь брови ее, чуть насмешливо приподнятые, выдавали, что она все-таки хорошо слышала то, что к ней было с таким неистовством обращено.

Обессиленная от столь долгого и утомительного гомона, не найдя в муже ту поддержку, что ей нужна была сейчас, Тамара замолчала, покрутилась вокруг накрытого стола, словно не видя тарелок с супом, блюда с буханкой свежее испеченного еще утром душистого хлеба и вчерашними вечерними пирогами, остановилась посреди комнаты и заявила:

— Ах так! Ну хорошо, я знаю, как поступить, коли так!

Сказав это, Тамара вышла в сени, шумно хлопнув дверью. Агафья, помедлив мгновение, все-таки бросилась за ней, отворив дверь в сени:

— Матушка, вернись!

— Тамара, я не разрешаю тебе ходить на сход! — рявкнул Павел, подходя к сеням, но холодное, хоть и темное лицо его было покойно. Тамара лишь фыркнула. Она накинула шубу, обернула голову в шаль и вышла. Агафья кинулась было к шубе и валенкам, чтобы побежать за матерью, но Павел остановил ее, схватив за запястье:

— Не переживай, дочка, пусть пойдет, пар выплеснет. Что бабы могут сделать? Побалакают¹ и разойдутся.

В следующий миг Тамара столкнулась на крыльце с Гаврилой.

— Куда ты, мама? — только и успел спросить он.

— Скотину поможешь отцу накормить, а сестры пусть меня не дожидаются, коров подоят. Да не забудь телянка Зорьку в старой бане свежим молоком попоить!

Мать сверкнула на него острым и холодным взором и побежала прочь из дома, прочь со двора, в снежную метель, нежным шелком стелющуюся по улице: навстречу неминуемому, словно заговоренному и колдовской судьбой предначертанному совершиться, року.

---

¹ Поговорят (диал.).

В этот день случилось что-то невообразимое, былинopodobное, но, к сожалению, настолько преступное, что на долгие годы обстоятельства сего и последующих дней были сокрыты не то что от потомков, но даже от самих детей участников этих событий. И кануть бы им в Лету, да выплыли они наружу почти век спустя.

Тамара побежала по улице, пробираясь сквозь снежную муть, пока не заметила соседскую высокую девку Марфу. Та бежала на общий женский сход около церкви, и Тамара увязалась за ней. Церковь располагалась на взгорье, возвышавшемся прямо на противоположном берегу от школы, где еще сегодня заседала комиссия по заготовкам, но несколько поодаль. Тамара и Марфа тяжело и медленно бежали по заснеженной дороге, но от волнения они и сами не заметили, как достигли моста, пересекли реку и подбежали к белой церкви с высокой башней колокольни. Деревенские цепные псы, предчувствуя недоброе, разноголосым и злым отрывистым лаем отзывались на бегущих людей. Иногда среди лая прорывалось медленное мычание не вовремя накормленных коров: сегодня казаки из-за происходящих разборок с советской властью запаздывали их кормить и доить. У церкви Тамара и Марфа увидели толпу гомонящих женщин. Их было так много, что Тамара не могла посчитать, глазом она примерила и поняла, что около двухсот-трехсот человек участвовало в сходе.

Больше всех голосила бывшая учительница, Зинаида Андреевна Кузнецова, которая проживала в станице после добровольного увольнения вот уже несколько лет; никто не ведал, чем она занималась, чем кормилась, но все с почтением относились к тридцатилетней женщине, которая, по ее же словам, занималась написанием научных трудов. Большие карие глаза ее лихорадочно горели под черными бровями, напоминая об утраченной когда-то броской красоте: она рано постарела, худое желтое лицо ее все было испещрено мелкими морщинами. Кузнецова кричала:

— Нельзя позволять власти отнимать честно заработанное зерно! Где это видано, чтобы народ бессовестным образом грабили среди бела дня?

Многие вторили ей, и лишь пожилые женщины и старухи пытались вставить слово против.

— Если мы сейчас не отдадим хлеб, пришлют они из Пласта войско и отнимут не только хлеб по путевкам, но вообще весь хлеб. Еще и арестуют самых богатых.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	22
Глава третья	36
Глава четвертая	56
Глава пятая	80
Глава шестая	95
Глава седьмая	115
Глава восьмая	138
Глава девятая	147
Глава десятая	164
Глава одиннадцатая	180
Глава двенадцатая	191
Глава тринадцатая	210
Часть вторая	225
Глава четырнадцатая	225
Глава пятнадцатая	246
Глава шестнадцатая	274
Глава семнадцатая	304

Часть третья	326
Глава восемнадцатая.....	326
Глава девятнадцатая	343
Глава двадцатая.....	363
Глава двадцать первая.....	374
Глава двадцать вторая	381
Глава двадцать третья	395
Глава двадцать четвертая.....	421
Глава двадцать пятая.....	438
Глава двадцать шестая	447
Глава двадцать седьмая.....	455

Литературно-художественное издание

16+

Ирина Лазарева

ЗОЛОТЫЕ ЖИЛЫ

Роман

Ответственный редактор *Марина Железнякова*
Технический редактор *Галина Логвинова*

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Тираж 4000 экз. Заказ

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 07.2024. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».
Юр. адрес: 124498, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Старое Крюково,
г. Зеленоград, пр-кт Георгиевский, д. 5, помещ. 8/1Т.
Факт. адрес: 432980, Россия, Ульяновская обл., г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.